

Екатерина Морозова

Учреждение

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Екатерина Морозова

Учреждение

«Автор»

2026

Морозова Е.

Учреждение / Е. Морозова — «Автор», 2026

На пороге отдела кадров исправительного учреждения внезапно появляется красавица Рита Травникова. Она выпускница юридического факультета МГУ и хочет работать в мужской зоне строгого режима. За чем или за кем пришла в такое страшное место молодая девушка и какую собственную игру она ведёт? Чем глубже Рита погружается в тёмный мир исправительной системы, тем страшнее оказывается правда, которую она искала. Тотальная коррупция, подпольный бойцовский клуб, убийства зеков ради забавы богатых зрителей в учреждении — это лишь вершина айсберга. Система пожирает всех: и своих тоже, если они ей больше не выгодны или пытаются ей сопротивляться. Новая книга Екатерины Морозовой в традиционном для автора жанре русского нуара. В основе истории лежат реальные события.

© Морозова Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть I.	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	16
Глава 5	20
Глава 6	23
Глава 7	26
Глава 8	30
Глава 9	33
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Екатерина Морозова

Учреждение

Часть I.

Глава 1

*Мальчик, дальше! Здесь не встретишь ни веселья, ни сокровищ!
Но я вижу — ты смеёшься, эти взоры — два луча.
На, владей волшебной скрипкой, посмотри в глаза чудовищ
И погибни славной смертью, страшной смертью скрипача!*
“Волшебная скрипка”, Николай Гумилёв.

Москва. 2008 год.

Рита уверенно постучала в коричневую деревянную дверь, на которой висела белая табличка с бордовыми буквами: «Отдел кадров». Шероховатые бороздки деревянного полотна, с которых проплешинами слез дешёвый лак, тут же с удовольствием впились в костяшки Ритиных пальцев. Девушка дёрнулась и, чертыхнувшись, поднесла руку поближе к лицу. Увидела, что в пальцах засели две маленькие занозы, из-под которых тут же выступили капельки крови. Рита попыталась вытащить их зубами.

— Заходите! — крикнули в это время из-за коричневой двери.

Рука с торчащими из неё занозами шлёпнула на деревянную коричневую стойку, отделявшую столы отдела кадров от зоны для посетителей, трудовую книжку, диплом и сложенную вдвое медицинскую справку.

— Фамилия? — строго спросила начальница кадров Карелия Георгиевна Ульянова, оглядывая вошедшую. Главной кадровичке было под пятьдесят. Она носила короткую мальчишескую стрижку. Светло-медовые волосы на макушке были слегка завиты, что придавало ей немного карикатурный вид.

— Маргарита Травникова. Трудоустройство, — чётко произнесла та, глядя прямо в глаза кадровичке.

— А! В спецотдел! Помню... Хорошо, что вернулась! Давай сюда документы. Медкомиссию прошла? Я — майор Ульянова. Карелия Георгиевна, начальник кадров. — Ульянова протянула руку к стойке, и Рита пододвинула ей свои документы.

Карелия начала их изучать. Через несколько секунд хмыкнула:

— Как же вас это к нам занесло с такими исходными данными? — Кадровичка ещё раз внимательно поглядела на новую сотрудницу. Совсем девчонка, двадцать три года. Высокая, фигуристая брюнетка с длинными волосами и ярко-синими глазами. Красный диплом МГУ! Юрист! Вот это кадр!

— Нужно нарабатывать опыт. Всё просто! — Травникова улыбнулась.

— То есть вы к нам ненадолго? — язвительно уточнила Ульянова.

— Как получится. Но хотелось бы годика на два минимум, — просто ответила брюнетка.

— Ну вы отчаянная, конечно! Первое место работы и сразу мужская исправительная колония строгого режима. — Карелия Георгиевна покачала головой. — Хорошо. Что же... Сейчас надо будет заполнить ещё одну анкету, и я вас провожу на рабочее место.

Рита покорно кивнула и взяла ручку, прикрученную пластиковой пружинкой к деревянной стойке. Мельком глянула на руку с занозами. На пальцах предательски собрались

несколько капелек крови. Чистого платка как назло не было. А последние бумажные салфетки Травникова извела, вытирая пыль со своих туфель, которую собрала по дороге на новую работу.

Ульянова деловито рылась в ящиках в поисках бланков анкет и что-то бурчала себе под нос.

— Голубая? — раздался насмешливый мужской голос прямо из-за правого плеча Риты. Та резко обернулась.

В кабинет неслышно вошёл мужчина лет пятидесяти. В форме, на которой блестели майорские звёзды. Седой, подтянутый, с яркими голубыми глазами. Он был поразительно похож на актёра Энтони Хопкинса.

— Что голубая? — не поняла Рита и нахмурила брови.

— Добрый день, говорю! Кровь у вас явно голубая! — пошутил майор и ткнул пальцем в руку девушки.

— Ах... Это... Дверь с занозами... — она смущённо кивнула на выход и быстро опустила руку вниз за стойку.

— Карелия Георгиевна! — рявкнул майор. — Дело Шитова мне срочно найдите!

Ульянова торопливо закивала. Бросила на стойку перед Ритой двойной пожелтевший бланк анкеты и тут же бросилась к высокому шкафу, в котором хранились личные дела сотрудников младшего начсостава.

— Сей момент, Максим Петрович! Так точно! — ответила кадровичка, шелестя обложками.

Травникова принялась заполнять выданную ей анкету.

— Так вы сотрудница, что ли, наша новая? — хохотнул Максим Петрович, чуть склоняясь над бланком, по которому Рита водила ручкой. — Маргарита Николаевна Травникова... Сотрудник спецотдела... Ну надо же! — прочитал он. — Значит, у меня новая подчинённая. И уже с производственной травмой! Да, ремонт в штабе давно нужен.

Рита подняла голову от анкеты и внимательно посмотрела на майора.

— Ещё раз добрый день, товарищ майор. Да, я Маргарита Травникова. Буду работать в спецотделе, — спокойно кивнула она.

— Понятно. А я — Максим Петрович Князев. Заместитель начальника колонии по безопасности и оперативной работе. Второй твой начальник после Галины Алексеевны Рыбкиной. — Майор сверлил глазами новую сотрудницу. — Мой кабинет в зоне. Здесь я бываю не часто.

Травникова почувствовала, как майор раздевает её глазами, и покраснела. Отвернулась и снова принялась старательно выводить буквы в бланке.

— Максим Петрович, держите! — Ульянова шлёпнула на стойку слегка пыльное личное дело Шитова. — А что он натворил-то? — тревожно поинтересовалась кадровичка.

— Потом расскажу. Давай сюда. Я занесу вечером. — Князев засунул папку под мышку и ещё раз оглядел с головы до ног новую сотрудницу. — Ну пока, Травникова. Учти, в таких коротких юбках в исправительное учреждение на работу не ходят. Здесь сидит полторы тысячи голодных мужиков.

Рита испуганно посмотрела на Князева. Тот развернулся и вышел вон из отдела кадров.

Ульянова перегнулась через стойку, чтобы посмотреть на юбку Риты.

— Да, юбка очень короткая, девушка. В такой — чтобы в первый и в последний раз! Хотя ты и вольнонаёмная, но дресс-код надо соблюдать. Никаких облегающих вещей, декольте или мини-бикини. Иногда тебе придётся ходить в зону. Например, к тому же Князеву. Бывает, что надо подписать какие-то документы срочно или что-то забрать в отдел. Понятно? — строго спросила Карелия.

— Так точно! — покорно кивнула Рита. Она до сих пор чувствовала на себе липкий взгляд ярко-голубых глаз Князева. — Я закончила, — она протянула заполненный бланк начальнице кадров.

Через минуту Ульянова гостеприимно распахнула перед Маргаритой белую дверь отдела специального учёта. В тридцатиметровом кабинете, помимо пяти столов, которые занимали женщины разного возраста, висели несколько огромных шкафов. В них хранились личные дела всех осуждённых, отбывающих наказание в исправительном учреждении УР 77/7. Полторы тысячи мужчин, осуждённых за тяжкие преступления, «уместились» в кабинетике, пропахшем женскими духами, пылью, кофе и увядшим букетом георгинов.

— Девочки! Принимайте! — Ульянова пропустила Риту вперёд. — Это Маргарита Травникова. Вы просили подмогу — мы нашли!

— Добрый день, коллеги! — приветливо кивнула Маргарита женщинам. Пять пар любопытных глаз впились в девушку. — Рада знакомству.

Внезапно в стене напротив входной двери открылось окошко, и оттуда высунулась голова очень красивой молодой блондинки. Рита от неожиданности подпрыгнула.

— Привет! А я Галина Алексеевна Рыбкина. Начальник спецотдела, — улыбнулась красавица. — Да ты не пугайся! Это у нас система такая! Удобно дела передавать! — Рыбкина по-детски постучала пальцами по дверце.

— Здравствуйте, Галина Алексеевна! Да уж! В гостях у сказки! — согласилась Травникова.

— Точно! — поддакнула Рыбкина и тут же захлопнула ставенку изнутри, скрывшись в своём кабинете за стеной.

— Так, ну проходи, не стесняйся! Меня зовут Анна Андреевна Романова. Я — заместитель Галины Алексеевны. Той красивой женщины из окна. — Из-за стола, на котором умирал букет красных георгинов в вазе, поднялась крепкая, но невысокая женщина с тёмно-рыжими волосами, подстриженными под каре. — Вот твой стол. Возле меня, — Романова приветливо махнула рукой.

По очереди представились и другие четыре сотрудницы. Имена их всех сразу Рита не запомнила, в чём честно и призналась.

— Ничего! Привыкнешь к нам! А мы к тебе! Ты только в таких коротких юбках на работу больше не приходи! — подбодрила Травникову женщина лет пятидесяти, седоватая, в очках в тонкой оправе. Её стол располагался ровно за спиной Маргариты. — Меня зовут Надежда Семёновна Гущина.

Маргарита приветливо кивнула и аккуратно уселась за выделенный ей стол. На столешницу тут же упали две пухленькие папки. Анна Андреевна торжественно вытащила их из ящика своего стола.

— Рита, надо сначала все инструкции прочитать. В красной папке — про работу спецотдела вообще. В зелёной — про то, как именно надо хранить личные дела осуждённых и про делопроизводство. Тут не сложно, не переживай. Читай до конца дня! — Романова отвернулась от Маргариты и принялась что-то быстро строчить в бланках, разложенных на своём столе.

Рита с ужасом оглядела папки, битком набитые инструкциями. Но потом собралась с духом и открыла красную.

— Новенькая! В архиве аккуратнее будь! Там могут попадаться мышинные какашки, ты их руками не трогай. У нас в прошлом году Галина Алексеевна с мышинной лихорадкой в больницу уехала на три месяца! — раздался из-за спины насмешливый голос молодой девушки.

Травникова развернулась. Ей приветливо помахала рукой брюнетка с волосами, заколотыми крабиком на затылке. На лбу у неё, чуть сбившись на левый бок, лежала густая чёлка. Ей было лет двадцать пять.

— Спасибо за предупреждение! — кивнула ей Рита.

— Я — Марина. Фамилию не запоминай, она тебе не пригодится пока. Ты куришь? — усмехнулась девушка.

— Да, — кивнула Травникова.

— Мы через полчаса идём на балкон. Пошли с нами тогда... — распорядилась Марина и снова уткнулась в дела, которые лежали на её столе.

— Спасибо! — ответила Рита и склонилась над инструкциями. Через пятнадцать минут её неумолимо потянуло в сон. Она с тоской подумала про кофе...

Первый рабочий день тянулся медленно. От чтения инструкций её начало немного укачивать уже через полчаса. А после обеда все буквы вообще слились в одну сплошную бессмыслицу, и Рита окончательно потеряла суть повествования. Запомнила Травникова только две важные вещи. Первая: личные дела осуждённых — это драгоценность, в цене превышающая чуть ли не личные дела сотрудников учреждения. Выдавать их можно было только начальникам отрядов и высшему руководству, под роспись в двух строго подотчётных бланках. Вторая: подшивать дела можно было только чёрными или тёмно-серыми нитками.

Рита старательно переворачивала пожелтевшие листы инструкций и тарасила глаза, чтобы они не слипались.

К своему столу с кипой дел прошествовала Марина. Весело глянула на Риту и бросила по ходу:

— Не парься ты особо! Всё в работе дальше поймёшь! Если их не рвать и не жечь нарочно, то беды точно не наделаешь! А как правильно подшивать, тебе вон Людмила Дмитриевна подскажет! — Марина кивнула в сторону субтильной блондинки с короткой стрижкой.

Людмила Дмитриевна Карманова, жена начальника производственного отдела учреждения, как раз занималась тем, что отматывала длинную суровую нитку чёрного цвета от огромной катушки. Она презрительно плюнула на кончик нитки, чтобы тот пролез в ушко толстой швейной иглы.

— Ага... Я тут главный преподаватель курсов по кройке и шитью... — буркнула Карманова и с яростью вонзила иглу в коричневую корку личного дела осуждённого Горина.

Рита посмотрела на Марину и на Людмилу и, улыбнувшись, кивнула.

Ближе к четырём часам раздалась писклявая трель внутреннего телефона на столе у Гущиной. Та сняла трубку и назвала свою фамилию. Рита услышала, как строгий мужской голос спросил у неё за спиной:

— Ну и чего ты, Гущина? Когда домой идёшь?

— Как обычно, в семнадцать ноль-ноль! — захихикала та.

— Хорошо, я найду к тебе после работы. Иди домой, — велел мужчина.

Гущина шлёпнула трубку на аппарат и залилась девичьим розовым румянцем.

В это время снова открылось окошко в стене, и в нём показалась Рыбкина. Казалось, что она круглосуточно пребывала в прекрасном настроении, что безусловно украшало её кукольное лицо, обрамлённое белыми длинными волнами волос.

— Надежда Семёновна! — весело позвала она подчинённую. — А вы не знаете, Максим Петрович выйдет сегодня из зоны до конца дня? Мне бы подписать у него кое-что! — Галина по плечи высунулась из окошка и вытянула шею влево, пытаясь увидеть Гущину.

— Я так поняла, что до конца рабочего дня нет, Галя! — ответила та и продолжила перекладывать дела осуждённых на своём столе. — Где этот чёртов Сидоркин? Звонил, просил три дела... И теперь они вот валяются... Вечно эти начальники отрядов суету бессмысленную наводят! — проворчала она.

Глава 2

Первые две недели в учреждении слились в один долгий день сурка. Рита приходила на работу к восьми утра, получала по списку от Романовой дела осуждённых из картотеки. Потом заполняла статистические карточки для каждого из них, формировала специальные листы учёта и ведомости; аккуратно подшивала к корешкам оторвавшиеся при транспортировке из следственного изолятора листы; печатала на пишущей машинке запросы в государственные ведомства. Несла дела обратно в картотеку, где их нужно было расставлять на полках обязательно в академическом порядке. Выдавала по запросу другим начальникам отрядов, которые то и дело хлопали дверью спецотдела, попутно хихикая с сотрудницами.

Как пролетели первые выходные, Марго даже не заметила. Казалось только, что она два раза моргнула глазами, заложила стирку, погладила строгие костюмы для того, чтобы выглядеть презентабельно на работе, и купила продуктов на неделю.

— Взрослая жизнь набирает обороты... — ворчала Травникова себе под нос, неистово мешая куриный бульон. — Через год буду как Карманова, укутавшись в шаль, есть котлетки из пластикового лотка прямо на делах... Не дай бог! Надо сокращать там программу пребывания...

Вторая неделя в спецотделе пролетела также стремительно. Но Рита наконец-то запомнила имена и фамилии всех своих товарок по спецотделу. Женщины казались ей слегка примитивными, но в то же время добрыми и понятными.

В субботу, девятого августа, утром на домашний телефон Риты позвонил дядя Саша.

— Я заеду за тобой через час. Собирайся, — велел он.

— Жду, — ответила девушка.

Через полтора часа они брели по аллеям Кунцевского кладбища. Сегодня исполнилось полгода со дня смерти отца Риты — Николая Травникова. Дядя Саша — его родной старший брат.

Рита была одета в длинное чёрное платье с рукавами, на голове такой же чёрный платок. В руках её алели восемь крупных гвоздик, купленных у одноглазой бабки возле ворот кладбища. Дядька нёс с собой грабли и мешок, в котором болтались банка серебрянки и кисточка. Жара в десять утра стояла такая густая, что воздух уже можно было резать ножом. И как нагреется асфальт в Москве дальше к обеду, было даже страшно представить.

— И как тебе зона? — спросил дядька Риту, пока они сворачивали по аллеям.

Та пожала плечами:

— Тоскливое место, конечно. Работа однообразная... Что тут рассказывать?

— Ох, Ритка... Ты с детства, конечно, отличаешься непосредственностью и оригинальностью. Но не настолько же... Вместо адвокатуры, о которой так мечтала, после юрфака МГУ — на зону пошла работать! В двадцать три года! — крикнул Травников-старший.

— Ну, ничего страшного! Наберусь опыта. Буду знать о системе изнутри. Проще потом будет работать в адвокатуре, и подзащитных консультировать. Ты знаешь, дядька, что адвокаты и в зону приходят работать к своим жуликам? Через пару годиков я уволюсь из учреждения. А может, и раньше. — отмахнулась племянница.

— Там хотя бы женщинам безопасно находиться? — уточнил дядька.

— Зеки сидят в зоне. Я работаю в штабе за зоной. Он тоже охраняется, если что. В зону женщинам-сотрудницам нужно заходить очень редко. Через КПП их сопровождают офицеры. Всегда! От калитки до калитки.

— Вот наша калитка... — дядька толкнул ограду, которая опоясывала две могилы и столик со скамейкой возле них.

На одной из могил стоял большой мраморный памятник. На нём уже появились заметные трещинки, из которых пробивался тонкий слой зелёного мха. С фотографии на памятнике улыбалась девушка, которой было чуть за двадцать лет. Девушка была очень похожа на Марго. В ногах второй могилы, на которой ещё не осела земля, был водружён простой деревянный крест. К нему была прикручена овальная керамическая фотография усатого крупного мужчины в форме с погонами капитана.

— Здравствуй, Коля. Здравствуй, Наташа. — Саша слегка поклонился фотографиям.

Рита подошла к могильным холмам, под которыми покоились её родители. На каждую из могил она положила по четыре гвоздики. Потом замерла, глядя на их портреты, зябко обхватив себя за плечи. Она больше не чувствовала удушающей августовской жары. Дядя Саша присел на краешек скамейки лицом к фотографиям покойной семьи и тоже уставился куда-то сквозь них, ограду и аллею Кунцевского кладбища.

День похорон своей матери Натальи Евгеньевны девушка, конечно, не помнила. Мама умерла в апреле 1985-го, когда Рите едва исполнился год. В роддоме им занесли инфекцию. Выкарабкивались из всех сил обе: и мать, и дочь. Организм новорожденной дочери оказался сильнее.

Маргариту воспитывали бабушка и дедушка Травниковы. Отец — военный служащий — всегда был в разъездах. Аглая Никаноровна и Филипп Николаевич ушли друг за другом, когда Рите исполнилось пятнадцать лет. В день после похорон Аглаи Никаноровны отец сидел на кухне их квартиры в Крылатском и пил водку. Рита мыла посуду после поминок. Гремела ложками и тарелками рядом, тайком вытирая набегающие слёзы и косилась на отца.

— Ритка, как мы будем теперь жить? — спросил отец, махнув очередную рюмку и вытирая пышные пшеничные усы. — Через неделю я снова уезжаю в Мурманск на полгода. Мне совершенно не на кого тебя оставить.

— Пап, я уже взрослая! — уверенно сказала дочь, расставляя посуду на полках в шкафу.

— Взрослая! — хмыкнул Николай. — Может, я сошлю тебя в Нижний к дядьке Сашке?

— О нет! Только не Нижний! Что я там делать буду? Мне скоро поступать в институт!

— отмахнулась Маргарита. — И тем более у них там своих забот хватает, без меня...

Рита села напротив отца за стол и сжала его огромную мозолистую ладонь своей.

— Пап, у тебя в Мурманске есть женщина? — робко спросила она.

Николай Филиппович вытаращил на неё глаза:

— Нет! С чего ты взяла?

— Я не в осуждении, папуль. И считаю, что если такой нет, то её надо срочно завести! — припечатала дочурка.

— Отставить сводничество! Удумала она тут отца учить! — рассмеялся Травников. — Нет у меня никого. Никого я после твоей матери не смогу уже полюбить. Даже не нравится никто.

— Ну ладно... — Рита опустила глаза.

Николай насадил солёный грибочек на вилку и снова налил себе стопку водки.

— А ты что же думаешь, что я от тебя избавиться хочу, потому что бабу себе завёл?

— Нет, я так не думаю! Просто ты — взрослый мужчина. Вон какой красивый! Я хочу, чтобы ты был счастлив, пап. Я же вырасту и тоже уйду...

— Куда? — хохотнул отец, смачно хрумкая грибом.

— Замуж, например! — удивлённо ответила Марго.

— Это можно! Но мы всё равно всегда будем с тобой рядом. Потому что ты моя ненаглядная звёздочка! Единственная в моей жизни! — отец потянулся к дочери через стол и поцеловал её в щёчку. — Ладно, Ритка! Всё наладится... Не хочешь в Нижний — оставайся в Москве. Учись только давай хорошо!

Марго благодарно кивнула отцу и улыбнулась сквозь снова набежавшую предательскую слезу.

— Я тебя тоже очень люблю, папочка! Ты навсегда останешься моим самым главным мужчиной в жизни!

Самый главный мужчина в жизни Риты Травниковой бросил её полгода назад. И теперь она стояла словно каменное изваяние, глядя на его портрет, вспоминая, как она жила уже в Москве одна после того, как отец снова уехал в Заполярье.

— Ритка, поддержи банку... — прозвучал рядом голос дядьки. — Сейчас пару раз вот тут оградку пройду кисточкой...

Она оглянулась. Саша, пока она стояла замерев, разглядывая портреты родителей, уже собрал граблями жухлую листву возле могил и достал краску-серебрянку. Нужно было немного закрасить ржавчину, которая разъедала ограду.

— Дядька, ты останешься до завтра в Москве? — спросила Рита, пока Саша старательно мазал краской заборчик.

— Нет. Уеду сегодня же. Дела дома, Ритка. Прости уж... — ответил он. — Я ж на машине. Туда и обратно... Ты бы приехала, может, к нам на новогодние хоть? С братьями повидеешься...

Дядюшка продолжал мирно жужжать, как шмель над садовыми цветами, рассказывая про какую-то бытовую ерунду в Нижнем, жену и двух своих сыновей. Маргарита старательно кивала в такт его интонации, но беседу поддерживать была не в силах.

Мысли снова унесли её в день смерти отца.

Девятого марта Маргарита вернулась домой из института и увидела его висящим в дверном проёме на солдатском ремне. На столе в кухне лежала предсмертная записка. Николай Филиппович Травников писал, что уходит из жизни добровольно. Почерк отца Рита знала хорошо. Записка была написана его рукой.

Глава 3

Майор Князев уверенно нажал на кнопку двери КПП. Дежурная, прапорщик Семенцова, взглянула в камеру и открыла тяжёлую железную дверь. Князев миновал ещё две «решётки» и ступил на порог закрытой территории. Там его встретили в полупоклоне два штабных дневальных. Осуждённые Антон Щукин и Егор Круглов числились адъютантами Максима Петровича в зоне.

— Доброе утро, Максим Петрович! — хором сказали дневальные.

— Здорово, коли не шутите. — Князев шёл впереди, Щукин и Круглов, отставая строго на полтора шага, маршировали от него по левую и правую сторону. — Как ночь?

— Относительно без происшествий, товарищ начальник. Единственное, в шестом бараке предотвратили попытку самовыпила. Некто Крутиков хотел вскрыться. Дневальный увидел и быстро отреагировали, — доложил Щукин.

— Причина? Прессанули? Кто это вообще? Впервые слышу про него. — буркнул Князев по дороге, отвечая на рукопожатия сотрудникам, бежавшим по узкому уличному коридору зоны на утренний развод.

— Его доставили этапом в прошлый четверг. Осуждён за износ. Говорит, что подставили. Ну и пообщались с ним немного в бараке на эту тему... Решил, что лучше выпилиться... Заточку из промзоны притаранил и к шее приложил слегка, — пояснил Круглов.

— Придурок! — цыкнул зам по БОР, выслушав доклад. — Ещё что нового?

Троица дошла до штаба. Круглов предупредительно открыл дверь и пропустил Князева. На вахте тут же по струнке вытянулись ещё трое дневальных, одетых в одинаковую чёрную форму с белыми бейджами на груди. Негромко поздоровались. БОР кивнул в ответ и взбежал по широкой белой лестнице на второй этаж, где находился его кабинет. В коридоре, в ожидании начальства, маялась небольшая группа осуждённых с бумажками в руках. Сегодня по графику был день, когда майору Князеву можно было подать ходатайства о назначении дополнительных свиданий и передач. Предварительно на ходатайстве должны были ставить свои визы начальники отрядов, за которыми числились осуждённые. Едва завидев большое начальство, зеки моментально расступились, и Князев прошёл как каравелла между морских скал.

На столе в его кабинете уже стоял заваренный чайник с зелёным чаем, другого Максим Петрович не пил. Рядом в вазочках халва и солёные крекеры. Переливалась в солнечных лучах и большая хрустальная ваза со свежими, сочными фруктами. Кисточки жёлтого винограда любовно обвивали бока красных яблок и оранжевые мандарины. По кругу весь этот жизнерадостный натюрморт обрамляли сочные, ярко-жёлтые абхазские лимоны. Князев любил добавлять их крупными дольками в чай.

Максим Петрович сел за свой стол и открыл тяжёлую красную папку. На ней золотыми буквами было выбито: «Князеву М.П. На подпись». Обычно в неё вечером складывали служебные документы сотрудники, работавшие за зоной. Папка хранилась на КПП. А утром, к приходу БОР на работу, папку забирал кто-то из «зоновских» дневальных и оставлял на столе Князева.

Он быстро просмотрел документы, которые ему нужно было завизировать. Подмахнул несколько и взял в руки толстую пачку документов, скреплённых большим канцелярским зажимом, которые передал спецотдел. Ничего необычного: запросы в суд, в канцелярии изоляторов. Максим Петрович собрался было на автомате подписать и их, но увидел, что буквально в каждом из них его фамилия была напечатана неправильно.

— Моя фамилия — Князев! А не «Кязев»! Что это за бардак? — возмутился он. — Кто исполнитель? Травникова...

Он прищурился на секунду и вспомнил о молодой девчонке, которую видел несколько недель назад в отделе кадров. Она заполняла какие-то документы, и из её пальцев сочилась кровь.

— Шукин, слушай! Там надо товарищу майору Кисилёву сказать, чтобы он послал работников за зону в отдел кадров. Надо ошкурить дверь и покрыть её лаком. Передай его дневальному.

— Понял, товарищ майор, — лаконично ответил Шукин.

— Так, эту папку назад отдайте на КПП. Кроме этих запросов из спецотдела. Пусть сначала запомнят фамилию своего начальника. — он швырнул красную папку по столу, и её на лету поймал Круглов. — Давайте по очереди. Кто там с заявлениями? Все подписаны начотряда или опять будем клоунату устраивать как в прошлый раз?

— Максим Петрович, зуб даю, все визы лично проверял! — отрапортовал Круглов. Он был ответственен за отбор ходатайств.

— Смотри мне! — погрозил пальцем БОР. — Заводи через минуту. Мне надо звонок один сделать.

Адъютанты вышли. Князев набрал номер Галины Рыбкиной.

— Спецотдел. Рыбкина! — послышался звонкий голос начальницы.

— Галина Алексеевна! Прекрасно выглядите! — пошутил Князев.

— Здравия желаю, Максим Петрович! А как вы узнали? Я вас не видела вроде ещё сегодня... — начала улыбаться ещё шире в трубку Галина.

— Так я по голосу слышу! Счастливые женщины — всегда красивые! — ответил БОР. — Галя! — его голос стал стальным. — Там от вас целая стопка запросов пришла, и везде мою фамилию исковеркали, как Бог черепаху, честное слово! Я — Князев, а не «Кязев»! Не подписал ничего! Пишите заново! И приносите! И втык этой Травниковой дай. Пусть фамилии начальства учит. Поняла меня?

— Так точно, товарищ майор! — кивнула Рыбкина. Тот шваркнул трубкой об аппарат.

Галя Рыбкина открыла окошко в стене и высунулась в кабинет, где сидели её подчинённые.

— Рит! Травникова!

— Да, Галина Алексеевна! — Маргарита встала из-за своего стола, чтобы попасть в зону видимости начальницы.

— Рит, звонил Князев. Орал! Ты его фамилию исковеркала. Проверь, может, буква в машинке западает, а ты по запаре жмёшь и не видишь? — помахала ей рукой Галя.

— Ой! Какой позор! — Марго прижала ладони к щекам, которые тут же запылали. — Простите, Галина Алексеевна! Вы за меня получили!

— Ой, да ладно! Считай, что втык я тебе выдала, как и было мне велено. А что это за запросы? Которые надо сегодня высылать уже?

Травникова кивнула.

— Не страшно! Просто перепечатай их все и надо к Петровичу сходить в зону. Делов-то. Он подпишет всё, отдадим в канцелярию. Только давай оперативнее. Ленка до четырёх письма принимает! — Галя кивнула головой в сторону канцелярии.

— Я мигом! А как мне в зону войти? — опешила Рита.

— Да найдём сейчас тебе какого-нибудь мужика на сопровождение, не переживай! Кто зайдёт к нам, считай, что твой! — Галя с треском захлопнула своё окошко изнутри.

Рита покачала головой и шлёпнула себя по лбу. Вот дурында! Фамилию начальника исковеркала и даже не в одной бумажке... Она села за стол, вставила два листа бумаги в ролик, предварительно проложив их копиркой, и принялась неистово шлёпать по клавишам.

— Буква «н» действительно западает! Вот я растяпа! — громко сказала она то ли сама себе, то ли всем сотрудникам.

— Да мы на таком раритете работаем, что неудивительно! — буркнула в ответ ей из-за спины Надежда Семёновна и тоже принялась громко шлёпать клавишами на своей «Любаве».

В кабинет к Князеву по очереди входили осуждённые с заявлениями. За хорошее поведение, выполнение сверхнормы на деревообрабатывающем производстве и на свинокомплексе, за активное сотрудничество с администрацией лагеря им полагались дополнительные свидания с родными и посылки сверх нормы. Особым шиком было поощрение в виде дополнительного длительного свидания на трое суток. Это мотивировало контингент. Особенно к «активному сотрудничеству» с администрацией зоны.

Максим Петрович внимательно изучал каждое из поданных ему ходатайств, задавал несколько наводящих или провокационных вопросов и в итоге ставил свой росчерк. Или не ставил. Такое тоже случалось довольно часто, если он имел свои «виды» на определённого осуждённого и намеревался использовать один из самых действенных рычагов давления на него. Подписанные же ходатайства признавались вступившими в законную силу. Заполучив визу БОР, осуждённый мог смело звонить на волю и вызывать к себе в гости жену или других родственников. И короткие, и длинные свиданки проходили на «КДС». Комната длительных свиданий была особой буферной зоной учреждения. Отдел, который был похож на гостиницу с номерами, располагался между «небом» и «землёй», то есть между тюрьмой и волей. Ограждённая решётчатыми дверями, КДС жила своей особой жизнью и тоже входила в состав ведомства Князева. Но непосредственным начальником на КДС значился капитан Токарев. Андрей Викторович, начальник отдела безопасности, также руководил всеми начальниками отрядов и сотрудниками оперативно-дежурной части УР 77/7. Такая вот иерархическая загогулина казённого формата.

— Максим Петрович, со свиданками — всё! — бодро доложил дневальный Щукин, закрывая дверь за последним «чёрным ходаком».

— Понятно. Через полчаса подавайте обед. И позовите Дроздова ко мне, — распорядился майор, энергично вращая затёкшей шеей влево и вправо.

Через десять минут к кабинету БОР вошёл начальник санчасти. Бориса Ильича в учреждении уважали все: и сотрудники, и спецконтингент. Главный «лепила» был предельно корректен, компетентен, обходителен и всегда подтянут. Пятидесятилетний майор Дроздов служил раньше где-то на Севере.

— Здравия желаю, товарищ майор! — Дроздов протянул руку Князеву. Тот привстал из-за стола и дружески ответил на крепкое рукопожатие.

— Здоров, Борис Ильич! Давай чаю или кофе? — гостеприимно развёл руки БОР.

Дроздов отмахнулся.

— Напился уже с утра. Хватит. Чего звал, Петрович? У меня там, прости, завал после последнего этапа. Принимаем больных! У двоих подозрение на тубик. Надо будет, видимо, на больничку вывозить.

— Тыфу ты! Вот работка у тебя, Ильич! — чертыхнулся Князев. — Я коротко.

Князев бросил короткий взгляд на маленькую камеру видеонаблюдения, которая была закреплена над входной дверью в его кабинет. Потом подкатился на своём кресле к Дроздову и наклонился к его уху:

— Звонили наши знакомые с морского побережья.

— Сколько хотят? — одними губами спросил врач.

Князев показал два пальца. Потом откатился назад к своему месту и протянул руку к вазе с фруктами. Достал оттуда четыре лимона. Выложил их перед собой в ряд. Внимательно посмотрел на Бориса Ильича. Тот кивнул.

— Как обычно? — Дроздов щёлкнул себя по наручным часам.

— Да. Я больше не задерживаю тебя, Борис Ильич. Спасибо, что зашёл. — Князев встал из-за стола.

Дроздов коротко поднял ладонь — пока. И вышел из кабинета, чеканя шаг.

Глава 4

Новые запросы, которые надо было отдать Князеву на подпись, Маргарита напечатала за час. Два раза перепроверила на ошибки и наконец решилась постучать в окошко к Рыбкиной.

— Галина Алексеевна, я уже сама себе не доверяю! — рассмеялась девушка. — Будьте добренькой, проверьте и вы меня, пожалуйста!

Галя выхватила запросы из рук Травниковой и тоже перепроверила их дважды.

— Нормально! Слушай, новую печатную машинку тебе я заказала. Ну точнее как новую... Более-менее, короче говоря. Принесут на днях со склада. Кисилёв, зам по тылу, сказал, что у него есть запас. Иди в зону! — Галя снова захлопнула свою ставню.

Маргарита растерянно повернулась к коллективу.

— А с кем мне идти в зону? — спросила она.

В это время в кабинет вошёл Андрей Токарев. Высокий, крупный парень тридцати лет.

— Дамы! Как вы поживаете? Я так скучал по вам! — капитан слегка поклонился.

— Андрюша! Ты в зону или из зоны? — спросила Романова, остервенело водя пилкой по красным ногтям.

— В зону! Мне надо только одну справку вам отдать. Родственники осуждённого Горохова принесли... — Токарев раскрыл свою кожаную папку и бережно вытащил листок, на котором сияла огромная синяя гербовая печать Московского горсуда. — Вот!

— А вы можете меня проводить в зону? — влезла к нему под руку Рита, отлепившись от картотеки, которую подпирала спиной.

Токарев резко обернулся на девушку. Он видел её здесь впервые! Какая красивая! Он всегда обожал длинноволосых брюнеток. А эта ещё и синеглазая! И с такими ногами...

— Кхм... Здравия желаю! Лично вас провожу куда скажете! — бодро отрапортовал Андрей Викторович.

— Меня только к Князеву! Вот! — Травникова взмахнула пачкой запросов.

— А назад? — уточнил Токарев.

— И назад, если можно... — покраснела девушка.

— Пойдёмте! — начальник отдела безопасности галантно подставил свой локоть. Рита, хохоча, продела в него свою руку.

— Всё! Уведёт Андрюха нашу Ритку! К гадалке не ходи! — рассмеялась Гущина из своего угла. — Как раз только что развёлся! Уведёт! Прямоком в декрет!

— А со мной так не любезничал никогда! — ехидно сказала Марина, наблюдая за тем, в какого павлина внезапно превратился Токарев. Она по нему вздыхала целых полгода, а потом внезапно вышла замуж за своего одноклассника Лёшу.

Спецотдел хором рассмеялся.

— Так откуда вы к нам прибыли, Маргарита? — спросил Токарев, когда они уже прошли все врата КПП и вошли в зону. — Неужели прямоком из Парижа?

— Берите выше! — хохотнула Рита и чуть не упала на ровном месте, подвернув высокий каблук туфель.

— Что, неужто из...? — Андрей сделал напуганное лицо и поднял указательный палец к небу. — Оттуда?

— Оттуда! Из высотки, увенчанной звездой!

— Из МГУ? Ты серьёзно? — не поверил капитан.

— Из него родимого. В июне получила диплом и сразу к вам. — подтвердила Рита.

Они неспешно шли по уличному коридору к штабу в зоне. Справа от них, в другом коридоре, отделённом металлической сеткой, мели асфальт два осуждённых. Оба, завидев компа-

нию капитана Токарева, застыли и с интересом провожали Маргариту взглядом. Это заметил Андрей.

— Не отвлекаемся, граждане осуждённые! Работаем! — шикнул он на них. Зеки продолжили мести асфальт.

— Слушайте, Андрей... Мне так не по себе здесь! Я же впервые в зону вошла... — Рита передёрнула плечами. — Мурашки по спине бегут. На меня смотрят... — она посмотрела по сторонам и увидела, как в неё вперились взглядами ещё несколько десятков мужчин в чёрной форме. Кто-то ехидно улыбался, показывая железные коронки, кто-то коротко помахал ей рукой.

— Не бойся! У нас все смирные! — приободрил её Токарев. — У нас же «красная» зона. Ну а смотрят... Ты тоже пойми... — он перешёл на шёпот, — тут мужики и по десять лет, и по двадцать сидят. Ну?

— Хорошо, что мне сюда не надо часто ходить. Вот что... — пробормотала Рита, прикрыв грудь и шею бумажками, которые она несла сначала в вытянутой руке. — Здесь даже пахнет иначе. Не как за КПП...

— Не верится, что такая девушка по доброй воле решила пойти служить в колонию! — снова хмыкнул Токарев, глядя на Риту.

— Ну какая? — устало вздохнула Травникова.

— Такая! — уточнил капитан и рванул на себя дверь штаба. — Заходим. Не смотри особо по сторонам. Сейчас там у всех слюни до пола будут. Это неприятное зрелище.

В холле зоновского штаба по струнке вытянулись дневальные в чёрной форме. Поприветствовали сотрудников и впились глазами в спину Риты, когда та поднималась по лестнице, держась за локоть Токарева.

У входа в кабинет Князева томился в одиночестве Щукин.

— У себя?

— Так точно, товарищ капитан! — отрапортовал дневальный. — Прошу!

Он коротко стукнул в дверь и, услышав «да!», пропустил в кабинет Князева гостей.

— Максим Петрович, здравия желаю! Вот сопроводил до вас из спецотдела. — вежливо сказал Токарев.

— А, госпожа Травникова! — улыбнулся Князев. — Вы выучили мою фамилию? Располагайтесь.

Майор встал со своего места, подошёл к Рите и выдвинул стул из-под длинного стола, примыкающего к своему.

— Маргарита, вас подождать? Надо же назад сопроводить. — сухо уточнил Токарев, глядя на то, как Рита усаживается за стол и выкладывает перед собой документы.

— А я скоро сам из зоны буду выходить. Выведу. Не беспокойся за неё, Андрей Викторович! — приободрил капитана БОР.

— Понял. Ушёл. — кивнул начальник отдела безопасности и скрылся за дверью кабинета.

— Максим Петрович... — начала Рита. — Я приношу вам свои глубочайшие извинения! На моей печатной машинке запала буква. И мне её обещали поменять, чтобы в дальнейшем не случилось таких казусов... Вот документы без ошибок.

— Да ладно, бывает... — махнул рукой Князев. — Давай сюда, подпишу.

Он уселся за стол и начал неторопливо листать пачку запросов. Рита огляделась по сторонам. Кабинет БОРа был унылым и тусклым. Каким, наверное, и полагается быть казённому кабинету большого начальника. Стены окрашены в белый цвет, потёртый рыжий линолеум, три больших окна спрятаны за дешёвые пластиковые жалюзи. В углу стоял длинный белый диван, а возле него стеклянный столик на маленьких ножках. Пустой, какой-то сиротский. И Рита, как истинная женщина, тут же захотела на него что-то поставить. Разнообразие в интерьере, пожалуй, вносила только небольшая полка. Там стояла раскрытая шахматная доска, на

которой были расставлены затейливо вырезанные фигурки из красного дерева. Майор заметил взгляд Маргариты.

— Интересуетесь шахматами?

— О нет! Не умею играть совершенно! Просто красивые!

— Это ручная работа. Здесь у нас и делают такие. В зоне же деревообрабатывающее производство. Знали? — Князев наконец-то взял ручку и стал подписывать запросы.

— Нет, не знала... Как-то не дошла до этого ещё...

— А что же вы любите? — уточнил он, закончив с документами и передавая их Травниковой обратно в руки.

— Из игр? Бадминтон!

— Ну с вашими ногами это логично! — Князев чуть откатился из-за стола на кресле, чтобы было лучше видно всю Риту целиком. — Вы на удивление сегодня даже без юбки!

— Теперь я учитываю дресс-код, Максим Петрович! А та юбка уже легендарная. Про то, что в ней нельзя ходить на работу, мне в первый день сказали три человека. — скромно улыбнулась Рита, машинально одёрнув строгий чёрный пиджак. Тут же она заметила, что верхняя пуговица на декольте была расстёгнута. — Ой! — спохватилась она и принялась её застёгивать. Задела лацкан пиджака, и с него слетела небольшая серебряная брошь в виде античного цветка. Девушка принялась возиться и с пуговицей, и с брошью одновременно, неловко прикрывая распахнувшееся декольте рукой.

— А что ещё любите? — продолжал улыбаться и рассматривать её майор.

— Кошек... — ответила Рита, наконец-то справившись с пуговицей. — А... Или это не в тему разговора? — она приколола на своё место и брошь.

— Я тоже люблю кошек... Вы сама похожа на кошку. Как называются такие чёрные... В джунглях водятся? — уточнил БОР.

— Багиры. — ответила Травникова.

— Пантеры! Багира — это из мультика про беспризорного мальчика в набедренной повязке! — расхохотался Князев.

Рита хлопнула себя по лбу и тоже расхохоталась.

— Я сегодня вся невпопад... — пожаловалась она начальнику. — То буквы не те, то кошки...

Князев смотрел на девушку и не знал, как реагировать на её непосредственность. Отпустить её прямо сейчас не хотелось совершенно. Рита понравилась ему безумно.

— А сколько вам лет, милая Рита? — спросил майор.

— Двадцать три. — скромно ответила она.

— Я старше вас ровно на тридцать лет. Ну надо же, какая непруха... — хмыкнул Князев.

— Да? А я думала вам нет и сорока! — подняла левую бровь Марго.

— Спасибо! Вы — чертовка!

Князев хлопнул ладонями по столешнице и поднялся на ноги.

— Я обещал, что выведу вас из этого вертепа строгого режима. Так пошли!

Рита тоже вскочила. Максим Петрович подошёл к ней максимально близко. На каблуках Марго была выше его на четверть головы.

— Вам бы в модельный бизнес! А не в исправительный! — хохотнул майор и, взяв девушку за локоть, повёл к выходу. — А где же вы учились и на кого?...

У крыльца штаба к Князеву подошёл осуждённый Холодов, местный авторитет Аркан. Он перекидывал в руках длинную ленту чёрных чёток.

— Товарищ начальник, разрешите обратиться? — вежливо спросил Аркан.

— Чего тебе? — раздражённо спросил майор, нехотя отводя взгляд от Риты, которая шла рядом и рассказывала ему про свою учёбу в МГУ.

— Вы насовсем сегодня уходите, или можно подождать? Есть очень срочное дело. Хотел попроситься к вам на приём. — ответил Холодов и оглядел с ног до головы Травникову.

— Насовсем. На завтра запишись у Антона. — буркнул Князев и повёл Марго под локоть по коридору на выход из зоны.

На крыльцо вышел Шукин.

— Это что за тёлка с Петровичем? — вальяжно спросил он у дневального.

— Новая сотрудница из спецотдела. Маргарита Травникова. — пояснил Шукин.

— Трахает её уже? — осклабился Аркан.

— Пока нет.

Холодов достал заложённую за ухо папиросу, вставил её в рот, дунул в фильтр, но потом убрал обратно за ухо. Развернулся и пошёл в развалочку в сторону жилых барачков.

Глава 5

Утро следующего дня на КПП, ведущем в зону учреждения УР 77/7, выдалось шумным. В семь сорок пять туда вошли двое местных оперативных сотрудников. Первый, Женя Ивашов, завёл непринуждённый разговор с дежурной Шурочкой. Второй, Денис Долгих, чрезвычайно внимательно стал изучать содержимое журнала учёта, который лежал возле камер хранения. В них сотрудники оставляли свои личные вещи, если их нельзя было заносить на территорию колонии. Например, в зону нельзя заходить с мобильным телефоном, с огнестрельным нетабельным оружием или с ножом. С мобильниками могли заходить только начальник лагеря и его заместители. Если же телефон замечали у рядового сотрудника, то это становилось причиной для возбуждения уголовного дела. Сотрудник автоматически назначался подозреваемым в «установлении неслужебных связей» со спецконтингентом. Минимум, что ему светило после всех разбирательств, — увольнение по статье, максимум — он сам становился частью спецконтингента, но уже в другой, «ментовской» зоне.

Ещё на территорию исправительного учреждения нельзя заносить наркотические вещества.

О чём, конечно же, полагалось знать младшему инспектору отдела безопасности, сержанту Марату Алиеву. Ровно как и о том, что оперативники ФСИН получают своё жалование не только за раскрытие преступлений, совершённых на территории зоны, но и за их пресечение.

Неделей ранее начальник оперативно-розыскной части УР 77/7 майор Владимир Климушкин вызвал к себе в кабинет для доверительного разговора осуждённого Баранова, которому и поручил устроить провокацию в отношении сержанта Алиева. Баранов, которого пять лет назад взяли на сбыте героина в особо крупном размере, уговорил сержанта принять «посылку» от своего знакомого барыги на нейтральной территории и незаметно пронести её в зону. Инспектор, польстившись на солидное вознаграждение, хотя и чуть поломавшись, в итоге согласился.

О дне, в который сержант Алиев должен был занести героин на территорию зоны, тут же узнали в оперчасти. Так в начале рабочего дня на КПП и появилась группа захвата.

Марат Алиев вошёл на территорию КПП спокойно, смешавшись с группой других сотрудников, спешивших на утренний развод в дежурную часть.

— Имеются ли у вас предметы, которые запрещено проносить на территорию? — заученно спрашивала у каждого сотрудника, заглядывавшего в окно дежурного КПП, Шурочка.

Сотрудники привычно раскрывали свои служебные удостоверения и сдавали свои мобильные телефоны, получая взамен номерки.

— Нет, не имеются! — ответил сержант Алиев, протягивая свой мобильник дежурной. Получив свой картонный номерок, он приготовился было пройти рамку металлоискателя, но был остановлен властной рукой старшего лейтенанта Ивашова.

— Марат, задержись, пожалуйста. — спокойно сказал опер. В этот момент, отложив журнал учёта, к ним подошёл Денис Долгих. — Я тебя прямо сейчас спрашиваю, нет ли у тебя каких-то запрещённых предметов при себе, которые нельзя проносить на территорию исправительного учреждения? — стальным голосом повторил Ивашов.

— Нет! Я же сказал, что нет! Вы чего, парни? — попытался улыбнуться Алиев. В глазах его появилась паника. Два опера крепко ухватили его за запястья.

— Тебе нужно пройти с нами наверх, сержант. — коротко велел Долгих.

Шурочка открыла двери, ведущие на волю. Опера вывели сержанта Алиева из металлических объятий КПП. Не разжимая запястий инспектора, словно готовясь к весёлому хоро-

воду, офицеры провели его к крутой металлической лестнице, ведущей в штаб «за зоной», где располагался их отдел.

Заместитель начальника отдела специального учёта УР 77/7 Анна Андреевна Романова тем же самым утром курила у входа в учреждение. Спешащие в зону сотрудники торопливо ей кивали или слегка касались локтя, затянутого ярко-красной тканью хлопкового платья.

— Привет! Привет!

— Анюта, привет! Моя хорошая, так не болтали давно! Я забегу на днях! — на бегу чмокнула её в щёчку начальник психологической службы Регина Александровна Долгих. Её сын служил в оперативной части учреждения. Семейные подряды в казённых ведомствах такого типа — обычная история.

— Жду! — бросила ей вслед Романова. И тут же повернулась обратно к дороге, которая вела к штабу. По ней ехала служебная «Волга» майора Брагина — заместителя начальника колонии по охране.

Роман Брагин выбрался из машины и направился было в отдельно стоящий штаб, где располагались отряд спецназа, закреплённый за УР 77/7, и его личный кабинет. Брагин руководил сотрудниками, которые охраняли колонию «по периметру», а также осуждёнными, которым было оказано высокое доверие нести службу на наблюдательных вышках. Вышкари фиксировали все перемещения сотрудников и осуждённых внутри колонии и на близлежащей территории. Три раза в сутки сведения из журнала перемещений подавались Брагину и Князеву.

— Роман Дмитриевич, голубчик! Что же вы совсем забыли старых друзей своих! Даже не замечаете! — крикнула Романова в спину Брагину.

Тот остановился и обернулся. Увидел Романову, которая красиво выпускала кольца дыма из ярко-накрашенного рта.

— Анна Андреевна! Доброе утро! Простите! Не заметил вас! Все мысли о службе! — Брагин сделал два шага в её сторону. — Как вы поживаете?

Романова разулыбалась.

— Вашими молитвами, Роман Дмитриевич! Вашими молитвами! — она стряхнула невидимую пылинку с погона Брагина.

Тот застыл в ожидании продолжения диалога, но сам инициативу проявлять не спешил.

— В пятницу у нас в отделе будет небольшой сабантуйчик... — сказала Романова.

— Повод? — сдержанно улыбнулся Брагин.

— Представляем с Галиной Алексеевной по поводу присвоения очередных специальных званий. Рыбкина — майор, а я — капитан внутренней службы.

— Ох! Ну надо же! Как быстро растут чужие сотрудники! Вас БОР не забывает! — слегка поклонился Брагин.

— Ну... О Рыбкиной не забывал ещё прошлый БОР — Орехов. А он теперь вон где... начальник колонии в Ленобласти.

— Ваша Галина Алексеевна — душечка абсолютная и красавица! Как о такой можно забыть? К ногам такой женщины хочется кинуть весь мир!

— Ну вот, красавицам майора досрочно дают, а прочим уродинам — капитана еле выпросили... — Романова выплюнула окурочек и с остервенением затоптала его каблуком.

— Анна Андреевна, так я пойду? Спешу на развод отрядов... — Брагин сделал пару шагов назад.

— Так я вас приглашаю к нам... Утром в пятницу позвоню ещё... — Романова сделала шаг вперёд.

— Буду рад вас всех поздравить! Конечно! Галине Алексеевне, красавице вашей, привет! — Брагин развернулся и, ускорив шаг, пошёл в сторону штаба охраны.

Романова посмотрела ему вслед взглядом, полным ненависти. В это время возле неё остановилась другая «Волга». Из открытых окон её раздавалась песня: «Красавицы могут всё! Красавиц счастливей нет! Они никогда не плачут! У них не бывает бед!». Хлопнув дверцей переднего пассажирского сидения, из машины вышел Князев.

БОР редко бывал в хорошем расположении духа с утра, но это было исключением.

— Красавицы могут всё... О, здорово, Романова! А чего ты грустная такая? Капитана же дали! В пятницу зайду к вам! — бросил он на ходу Анне Андреевне и пошёл к железной двери КПП.

— Здравия желаю, товарищ майор! — прошипела Романова ему вслед.

— Максим Петрович, вас просили заглянуть в первый ящик камеры хранения. Он не заперт. — сказала БОР Шурочка.

Князев послушно развернулся к ящикам и открыл первый. Там лежало замотанное в плотную коричневую бумагу что-то длинное, но не очень объёмистое. Майор хмыкнул и развернул посылку. В его руках оказалась большая керамическая фигура чёрной кошки. На её мордочке были нарисованы золотом глазки и усы. Он коротко рассмеялся и, замотав статуэтку в бумагу назад, взял её в руки. Рита!

— Открывай! — скомандовал он дежурной, подходя к железной клетке, ведущей в зону.

Глава 6

— Раздвинь ягодицы, Алиев... — над лежащим в собственной блевотине сержантом склонился майор Дроздов. — У тебя в жопе лопнул презерватив с героином. Ты уже отравлен! Если ты сейчас будешь противиться, то просто захлебнёшься на хер! Окстись! У тебя передоз! — врач натянул плотные резиновые перчатки.

Опера брезгливо смотрели за медицинскими манипуляциями начальника санчасти.

Задержанный на КПП сержант Алиев в оперчасти упорствовал недолго. Буквально через пять минут после начала опроса он почувствовал себя очень плохо. Успев сказать операм о том, что он действительно пытался пронести героин в зону, спрятав его в собственной заднице, он начал блевать дальше чем видел, а потом и вовсе потерял сознание. В оперчасть был срочно вызван Борис Ильич Дроздов.

— Вы прям его спасти хотите? — Дроздов брезгливо ткнул острым носком ботинка в бок Алиева, который лежал без сознания. — Или так... Для порядка?

— Ну если получится, Борис Ильич, то спасайте. Если нет — никто эту гниду жалеть не станет. — спокойно ответил начальник оперчасти Климушкин.

В это время сержант Алиев застонал и задергал веками.

— Алиев! Видишь меня? Сейчас будем доставать герыч из тебя! — Дроздов склонился над ним и брезгливо зажал свой нос пальцами.

— Концерт в зоне? Он вообще что ли трёкнулся? — заорала Гущина, выслушав новости из окошка Рыбкиной.

— Я думаю, что надо готовить номер со стриптизом! — энергично покивала головой Галя. — В ужасе я, Надежда Семёновна!

Гущина стояла посреди кабинета спецотдела красная от злости и, уперев руки в бока. Пять минут назад Гале Рыбкиной позвонил заместитель начальника колонии по воспитанию и политической работе Иван Денисович Зиновьев.

— Галенька! У нас прекрасные новости! Мы утвердили план по воспитательной работе спецконтингента на новое полугодие! — заливался соловьём майор.

— Очень за вас рада, Иван Денисович! От нас что требуется? — не заметила подвоха Галина Алексеевна.

— Галя, у тебя все в отделе — сплошные таланты! Вы тоже будете участвовать в концерте! — продолжал майор Зиновьев.

— В каком концерте? — привычная лучезарная улыбка начала медленно сползать с лица красавицы-блондинки.

— В зоне! В зоне будет проведён концерт для зеков! Артистами станут сотрудники! — ликовал замполит.

— Почему сотрудники? — оцепенела Рыбкина.

— Потому что это станет хорошим примером! Осуждённые разглядят в вас людей! Они потянутся к вам! А там и перевоспитание, личный пример!...

Галина Алексеевна передала разговор с Зиновьевым Надежде Семёновне.

— Макаренко, ёптать! — завопила опять Гущина. — Мы что же стихи теперь выучить обязаны или спектакль поставить? Зачем к нам тянуться?

В спецотдел вошла Рита, она вернулась с обеда из столовой.

— А чего вы так кричите? Вас на первом этаже слышно у КПП... — спросила она, проходя к своему рабочему столу.

— Учи, Ритуля, басню! Или танец репетируй! В тебе зеки должны человека разглядеть! Так решил наш замполит! — припечатала Гущина и, чеканя шаг, вышла из кабинета с пластиковым контейнером, в котором она принесла сегодня на работу котлеты.

Галя всё так же висела на своём окошке, но уже не улыбалась.

— Галина Алексеевна, это шутка что ли такая? Я уточнить просто... — Рита подошла к начальнице и упёрлась рукой в стену рядом с окошком.

— План по воспитательной работе подписывает начальник колонии. Значит, не шутка, Рит... — скуксилась Рыбкина.

— Ну это как-то унизительно же... Мы — сотрудники должны развлекать осуждённых? Внутри колонии... Попахивает маразмом каким-то... — вытаращила глаза Травникова.

— Обед закончился. — Галя захлопнула свою ставню изнутри и заперлась в кабинете.

Поднятые от удивления брови на лице Маргариты застыли нелепой маской. Она молча подошла к картотеке, где хранились личные дела осуждённых, и стала отбирать себе несколько по списку для работы.

— Танец на пилоне я им приготовлю... — буркнула она, разглядывая фотографию осуждённого Громова. С неё на Риту смотрел огромный, волосатый мужик, похожий на неандертальца. Громов попал в УР 77/7 за двойное убийство с расчленёнкой.

В буфет-магазин, работающий при учреждении, вошёл майор Кисилёв. Он отвечал в колонии за материально-бытовое обеспечение и руководил осуждёнными, которым смягчили режим отбывания наказания и перевели на «посёлок». Рядом с подтянутым красавцем Игорем Григорьевичем, на которого заглядывались многие незамужние барышни-сотрудницы, суетился кругленький, низкорослый зек Гена Шмельков. Он был первым помощником Кисилёва. Сейчас они вместе совершали обход владений зама по тылу, и Шмельков записывал выданные ему указания.

— Гена, пиши! Облагородить вывеску буфета! — важно сказал Кисилёв, тыча пальцем в покосившуюся и потрескавшуюся табличку «Магазин».

Шмельков деловито черкнул задание в своём блокноте.

— Сделаем, товарищ майор!

Кисилёв прошёл предбанник буфета и вошёл в маленький торговый зал. В нём за прилавком, окружённом полками с бакалеей, выпечкой и небольшими холодильниками с прозрачными крышками, стояла продавщица Светка. Выбеленные перекисью волосы пятидесятилетней женщины резко контрастировали с подведёнными чёрным карандашом тонкими бровями и маленькими глазками.

— Светлана! Чем это у тебя так тут воняет? — Кисилёв брезгливо зажал свой тонкий, аристократический нос двумя пальцами и принялся озираться вокруг.

— Ассортиментом! — буркнула продавщица.

— Нужно немедленно провести генеральную уборку в помещении! И обязательно постирать эту тряпку на окне... А лучше выбросить вовсе и попросить в швейке новую тюль! Там есть! — зам по тылу повернулся к Гене, — принесите в магазин новую штору! Немедленно! И выпиши Светлане двоих помощников для проведения уборки!

— Когда мне уборкой заниматься, Игорь Григорьевич? — возмутилась Светка и встала в позу. — Тут надо с ценниками разбираться, с переучётом...

— Светлана! Ты — лицо магазина! А магазин — лицо колонии! — Кисилёв был непреклонен.

Светка подняла одну бровь и посмотрела на начальника как-то иначе. Высокомерно. По-барски.

— Ну если так... Хорошо! Присылайте работников и инвентарь! — смилостивилась она.

— Вот и молодец! Гена, я поехал по делам в управление, а ты проследи за всем тут!

Зам по тылу важно прошествовал на выход, оставив Шмелькова в магазине.

Как только Игорь Григорьевич скрылся из виду, Гена протянул руку и ущипнул Светку за бок. Та захихикала, а потом грубо ответила:

— Пошёл прочь, зечара! Не тяни руки ко мне больше!

— Светуля, что случилось? — Гена надул губы, но руку убрал.

— Кто вчера к Настьке из столовой приставал? А? Скажешь, что не было! Я всё знаю! Она уже всем растрепала, как ты ей на кухне рвался помогать и хватал за сиськи! — зашипела буфетчица.

— Наговоры! Это злые наговоры, Светуля! Я люблю тебя одну! Дай поцелую в щёчку! — Шмельков снова попытался завладеть «лицом магазина» и потянулся к женщине через прилавок.

«Лицо магазина» было настроено жёстко. Светка отвесила Гене звонкую пощёчину, а тот схватился за щеку.

— Рука любимой не может причинить боль! — с обидой сказал Шмельков.

Глава 7

Начальник учреждения УР 77/7 полковник Шатунов и майор Князев заперлись в кабинете.

— Всё шло как обычно, понимаешь, Иннокентий Павлович... — тихо говорил Хозяину БОР. — Ну думали, что подлечим потом в санчасти, да оживёт... Встанет, как миленький... А он того...

— Ну зачем надо было до такой крайности-то доводить? А? — зло произнёс Шатунов, глядя в глаза Князева. — Где сейчас он? — начальник пытался ослабить форменный зелёный галстук на шее. От злости он покраснел, и ему стало труднее дышать.

— У Дроздова в холодильнике... — ответил Максим Петрович. — Всё бы ничего, но там, понимаешь, родственники есть. И семья-то не маргинальная... Вот в чём дело... — зам начальника виновато развёл руками.

— И как мы это всё его родственникам объясним? — Шатунов наконец сорвал с себя галстук окончательно и пытался не сорваться на крик. Под дверью с другой стороны дежурили дневальные штаба.

Иннокентий Павлович вскочил из-за своего стола и забегал по кабинету. Он был красным как рак. Князев сидел с виноватым видом. Навернув несколько кругов по кабинету, Хозяин подбежал к БОР и прошипел ему на ухо:

— Нас прокуратура замордует теперь! Понимаешь ты это, башка твоя баранья? — он постучал по своему лбу кулаком. — Где мои мозги были, когда я вообще подписался на это всё?

Шатунов снова забегал по кабинету. Остановился возле столика, на котором стоял графин с водой и стаканы. Схватил графин и выпил остатки воды прямо из него. Шумно отдышался и снова подбежал к Князеву. Тот сидел с каменным лицом.

— Решай вопросик, Петрович! Решай! Это твоя зона ответственности! Иначе сядем все! Будешь теперь ты дневальным у какого-нибудь зама на ментовской зоне! — прошипел он.

— Есть один вариант, Иннокентий Павлович. — голос Максима Петровича был ледяным.

— Ну? — нетерпеливо встал перед ним, уперев руки в бока Хозяин.

— Свилярник. А родственникам объявим о побеге... — тихо ответил БОР.

Шатунов вытарашил на него глаза и начал хватать воздух ртом, как рыба.

— Ты в своём уме? Что ты несёшь? Это же надо через управление тогда! Побег! Это ЧП! — просипел он сорвавшимся голосом.

— Мы не будем заявлять в управление. Мы тихо объявим об этом его семье. Они точно не побегут в управление. Они будут сидеть дома, поджав хвосты, и молиться богу, чтобы их сбежавший родственник ненароком не удумал вернуться к ним домой... И они никому об этом не расскажут! Ни одной живой душе! — ответил Князев так уверенно, что у Шатунова от ужаса зашевелились волосы на голове.

— Иди работай... — вымолвил наконец начальник колонии.

Князев вернулся в свой кабинет и с силой захлопнул дверь.

— Сучата! — зло прошипел он и пнул стоящий на дороге стул.

Шатунов отчитал его как мальчишку! Такого Максим Петрович не выносил. Его кололо от злости. Вместе с нарастающей агрессией он почувствовал, как растёт и сексуальное напряжение. Он стукнул кулаком в стену и чуть не задел стоящую на отдельной полочке фигурку чёрной кошки. Погладил её по литому, изящному бочку. Князев мерил шагами кабинет, то и дело оборачиваясь на статуэтку. В нём всё клокотало. Наконец он сорвал трубку служебного телефона и нажал на четыре кнопки.

— Гущина? Срочно найди сопровождающего и ко мне в кабинет, в зону! Бегом! — проорал он в трубку.

Через пятнадцать минут на пороге его кабинета возникла румяная Надежда Семёновна. Князев закрыл дверь изнутри, подошёл к дивану, который стоял в углу, и начал расстёгивать ремень на форменных брюках.

— Иди сюда, быстро! — приказал он.

Надежда Семёновна уверенной походкой подошла к дивану.

Тем вечером Рита никак не могла уснуть. Она ворочалась в своей кровати и гадала: понял ли Князев, от кого именно он получил фигурку кошки? Дежурная на КПП сказала ей потом, что посылку, оставленную в ящике, БОР забрал с собой.

— А что там было-то? — уточнила Шурочка у Риты, когда та просунула голову к ней в окошко.

— Да ничего особенного! Это Князев сам и просил ему принести из штаба. Какая-то рухлядь из архива... — отмахнулась Травникова и подёргала решётку КПП, — выпусти меня на волю!

Статуэтку кошки Рита купила для Князева в тот же день, когда впервые побывала у него в кабинете. Она, конечно же, заметила, как начальник её разглядывал с головы до ног. «Я тоже люблю кошек... Вы сама похожа на кошку»... Сделав ошибки во всех листах запросов, она не ошиблась в своём плане. Теперь Рита находилась в поле пристального зрения Максима Петровича. И это было только началом пути увлекательного приключения, которое запланировала для него Травникова.

— Ну, ничего... Подождём пятницу... — сказала сама себе Рита и наконец-то провалилась в сон.

— Ну что? Капитан внутренней службы Галина Алексеевна Рыбкина представляется по поводу получения внеочередного специального звания майор! — Галя выдохнула и опрокинула половину стакана водки, на доньшке которого лежала большая золотистая звёздочка.

Сидевшие за богато накрытым столом, разложенным прямо посреди отдела спецучёта, гости громко захлопали и засвистели.

— Галя, поздравляем! Молодец! Заслуженно! — выкрикнул, протягивая руку со стаканом к ней, майор Брагин.

— Ура! Галина Алексеевна! — подтянулись к Брагину сотрудницы спецотдела. — Галь, ну до подпола доживём, нет?

— Ох, нет! Я ещё три годика — и на заслуженную пенсию! — отмахнулась Рыбкина, подкладывая в тарелки салат и нарезки.

— Вы видали пенсионерку эту в тридцать пять лет? — захохотала Гущина. — Мне в этом году полтинник, и то ещё пять лет доработать надо!

— Надежда Семёновна, так я в этой колонии с восемнадцати лет, как проклятая! — начала оправдываться Галя. — А вы же не очень давно на строгий перевелись! Поэтому и льготной выслуги у вас мало!

— Да знаю я всё, чего ты начинаешь? — примирительно протянула к Рыбкиной свой бокал, наполненный вином, Надежда Семёновна. — За тебя, наша девочка! Пусть поскорее эти три года пролетят и на волю пойдёшь!

— В один год с тобой, Галка, мы на пенсию выйдем! — вставил с другого конца стола майор Князев. — Передайте, девочки, вон той рыбки, пожалуйста! — он протянул свою тарелку и вилку Марине, которая сидела ближе всего к красиво нарезанной форели. — Сейчас я тоже тост скажу! Можно дедушке слово? Подлейте водки что ли! Изверги! — Максим Петрович ткнул локтем в бок Брагина.

— Да! Говорите! — закричали собравшиеся за столом.

Говорил Князев долго и витиевато. Благодарил спецотдел за хорошую работу; хвалил сотрудниц за красоту и женственность, которые, несмотря на тяготы службы в столь специфическом месте, им удалось сохранять; хвалил отдельно Галю; вспоминал своего предшественника на посту БОР Николая Орехова; ругал власть за низкие зарплаты сотрудников; и нёс прочую пургу, какую и полагается нести на обычных рабочих застольях в дружных коллективах.

— Так! — с грохотом отодвинула свой стул Анна Романова. — Если все уже от души поздравили Галину Алексеевну, то позвольте уж и мне представиться!

— Аня, давай! — поддержали её все собравшиеся.

— Старший лейтенант внутренней службы Анна Андреевна Романова представляется по случаю получения очередного специального звания капитан! — она бросила пять маленьких золотистых звёздочек на дно стакана с водкой.

— Ура! Анька, наконец-то! Поздравляем! — выкрикнула первой Галя Рыбкина.

Романова махом осушила стакан и выплюнула в ладонь все звёздочки.

— Ух! Как-то я погорячилась, наверное, целый сразу! — пробормотала она, неловко усаживаясь обратно за стол.

Кто-то из женщин предложил танцы под магнитофон. Идею поддержали, и Марина крутанула колёсико на приёмнике. По кабинету раздался голос Софии Ротару, которая пела про своего единственного на свете.

Рита в это время достала из сумочки сигареты и тихонько выскользнула из кабинета. Она вышла на небольшой балкончик, где обычно курили штабные, и прикрыла за собой дверь. Сделав первую затяжку, испуганно обернулась на шум сзади. На балкон вышел Максим Петрович. По ходу он ослаблял свой галстук и расстёгивал верхние пуговицы на форменной рубашке.

— О! Травникова! А ты что же, куришь? — удивлённо воскликнул он и плотно закрыл за собой дверь.

Они стояли друг напротив друга, облокотившись на перила. Между ними было не более метра.

— Курю, Максим Петрович... — покачалась с усмешкой Марго. — А вам не нравятся курящие женщины?

— Так у вас в отделе все курят, да? Кроме Гущиной вроде! — невпопад ответил Князев, рассматривая Риту. Сегодня после окончания рабочего дня она сняла с себя строгий брючный костюм и снова нарядилась в возмутительно короткую юбку.

— Не знаю... Возможно... — Рита медленно выпустила из красивых губ густую струю дыма и пристально посмотрела на начальника. — А вы чего на балкон пришли? Там же танцы...

— Я подышать вышел... Не ожидал тебя тут увидеть... В какой ты опять сегодня возмутительно короткой юбке... — Князев почувствовал, как у него пересыхает в горле, разглядывая ноги Риты, затянутые мелкой чёрной сеткой.

Девушка подошла к нему чуть ближе и нагнулась, туша свой окурок в железной банке. Выпрямляясь, она задела своими распущенными волосами грудь и лицо Князева. Замерла на секунду перед ним.

Максим Петрович схватил её и прижал к себе. Рита почувствовала, как он напрягся и как в её живот упёрлось нечто твёрдое. Руки начальника жадно забрались под юбку Риты и нащупали там голые ягодички. Скользнув ладонью дальше под резинку чулок, Князев притянул её лицо к своему и впился губами. Девушка охнула и поддалась его натиску.

— Я тебя прямо здесь сейчас отымею! — прошептал Князев ей на ухо.

В коридоре хлопнула дверь, и они услышали, что музыка стала громче. Кто-то вышел из спецотдела. Рита мгновенно отпрянула от Максима Петровича и вернулась на позицию к своей перилке. Князев тяжело дышал и сверлил её глазами.

— Не здесь и не сегодня! — весело шепнула Маргарита, поправляя задравшуюся юбку.

— А где и когда? — не сдавался майор.

— Посмотрим!

Травникова проскользнула мимо него и мгновенно скрылась за дверью балкона. Князев успел на прощание ухватить её за задний карман юбки.

В женском туалете, прямо по соседству с балконом, где проветривался от напавшей на него страсти майор Князев, Надя Гущина умывала в раковине Романову. Ту окончательно развезло после последнего стакана водки со звёздами.

— Аня, давай я умою тебе лицо, не дёргайся! — ворчала Гущина, пытаясь убрать волосы Романовой за воротник блузки.

— Надежда Семёновна... Ну мне просто неприятно, понимаете... — бормотала Романова, отмахиваясь от заботы, — весь вечер поздравляли только Гальку! Все! А я кое-как вырвала для себя одну минутку, чтобы тоже представиться... Обидно!

Романову затошнило, и она рванула к унитазу. Гущина, облокотившись о кафельную стену, сложила руки на груди и вздохнула. Анна вышла из кабинки сортира, вытирая рот бумажной салфеткой. Лицо её было красным и опухшим.

— Обидно! Надежда Семёновна, вы меня хоть понимаете? Все на нашу Галю смотрят как на икону! Потому что она — красавица! А я что — уродина? — икнула она.

— Аня, ты не уродина! И знаешь об этом прекрасно! Прекрати причитать! Рыбкину любят не за то, что она начальница спецотдела, а за её вот эту женственность и доброту! — Гущина стала поправлять волосы Анны и разглаживать смявшийся воротник. — И ты её любишь! Галю невозможно не любить! Она же как солнышко!

— Мужики вообще никого больше не замечают, когда она рядом! И... — она снова икнула, — и даже Брагин! — Романова обессиленно махнула рукой в сторону кабинета.

— Брагин? — удивилась Надежда, наконец отлепив все пряди волос от лица Романовой. — Да на кой чёрт он тебе сдался? Алкаш и тупорез!

— Ой, всё, Надежда Семёновна... — Романова отмахнулась от своей благодетельницы и попыталась войти в дверной проём, но врезалась в косяк.

Гущина схватила её за плечи и выправила курс. Открыла дверь в коридор и увидела, как с балкона выходит Князев. Уже заметно протрезвевший, снова в галстук.

— А что это у нас тут за драма? Анна Андреевна? — строго спросил он.

— Немножко переотмечали... — буркнула Гущина.

— Держите себя в руках! Вы всё же на территории режимной зоны. — поучительно сказал БОР.

Гущина затолкала Анну в кабинет, где также громко играла музыка и слышались довольные женские визги. Повернулась к Максиму Петровичу и нежно положила ему на плечи свои руки.

— Пойдём ко мне? Они все уже пьяные...

Князев скинул её руки и отрицательно мотнул головой.

— Нет, прости. Не получится. Мне пора. До свидания, Надежда Семёновна.

Гущина проводила его взглядом и пожала плечами. Затем толкнула дверь в спецотдел. В центре стола, между бутылок с водкой и тарелкой с форелью, под Пугачёву танцевала босиком Романова.

Глава 8

В ночь на воскресенье Рите приснился отец. Он сидел в своём любимом кресле перед телевизором и смотрел бои без правил. Рита подошла к нему и обняла за плечи. Тот не реагировал на дочь и не отрывал взгляда от телевизора.

— Папочка, я так скучаю по тебе, мой милый. Если бы ты только знал... — бормотала Маргарита, утыкаясь носом в отцовскую шею.

Николай Филиппович молчал. Он сидел как изваяние. Живыми казались только его зрачки. В них отражались бойцы, которые были заперты красными канатами в периметре октагона.

— Папа, поговори со мной! Или ты обижен на меня? Я всё объясню тебе! То, что я делаю сейчас, это очень важно... — шептала она в ухо отца.

Маргарита вскочила среди ночи на постели в холодном поту. Её знобило, а по щекам лились слёзы. *«Папа, папа, милый... Ты опять приходил ко мне во сне, и опять со мной не разговаривал, словно наказывая меня за плохое поведение... Ты зря на меня обижаешься. Я всё делаю правильно. И для тебя, и для себя»*, — подумала девушка и легла на кровать, с головой накрывшись одеялом.

Под утро ей приснился ещё один сон: она в костюме дивы бурлеска танцует на сцене перед сотрудниками колонии. В первом ряду сидели Гущина, Князев и сильно пьяная Аня Романова.

Полковник Шатунов сидел за столом в своём кабинете в штабе за зоной. Об него тёрлась голыми коленками заведующая местной столовой Зиночка Кольцова. Вернее сказать, Зинойкой она перестала быть лет пятнадцать тому назад, когда ещё только-только влюбилась как кошка в Иннокентия Павловича. Сейчас это была вполне себе остепенившаяся Зинаида Григорьевна, недавно шумно отметившая сорокапятилетний юбилей.

Десять лет назад Иннокентию Павловичу, занимавшему тогда пост заместителя начальника колонии по воспитательной работе в Саранске, предложили перевестись в Москву, разумеется с перспективой повышения. Шатунов долго не думал. Собрал и посадил в один поезд «Саранск — Москва» свою жену, двоих детей-подростков и вторую любимую женщину — Зину Кольцову, которая также заведовала в мордовской колонией питанием сотрудников.

— Ну что ты какой сегодня вялый? — Зинаида залезла на Шатунова верхом и взъерошила ему волосы.

— Готовлюсь к неприятному разговору. — честно признался Шатунов и увернулся от поцелуя, летевшему ему прямоком в губы.

— Я соскучилась по тебе! — Кольцова обняла полковника за шею и прильнула к нему.

В дверь коротко стукнули, и на пороге показалась секретарша Танечка. С Зиной Кольцовой они были лучшими подружками.

— Иннокентий Павлович, там к вам Егоровы пришли! — доложила она.

— Слезай с меня! — согнал завстоловой со своих колен начальник колонии. — Всё! Иди работай! — он отмахнулся от Зинаиды, как от назойливой мухи.

Та пошла на выход, демонстративно виляя бёдрами. Остановившись у дверей, Зина растегнула заклепку, которая держала её волосы, собранными на затылке, и энергично встряхнула головой. По плечам рассыпались длинные жёсткие кудри, окрашенные в цвет вороньего крыла. Шатунов, наблюдавший за выступлением любовницы, шикнул ей вслед:

— Иди, я сказал! Ко мне люди из другого города приехали!

Через три минуты в кабинет Шатунова вошли мужчина и женщина лет шестидесяти. Сухенькие, маленькие. Бедно, но опрятно одетые.

— Мы родители Артёма Егорова. — понуро кивнул головой мужчина.

Шатунов встал из-за стола и приглашающим жестом указал на стулья, стоящие за столом для совещаний.

— Добрый день! Елена Александровна и Анатолий Иванович. — сказал полковник, слегка краснея.

— Товарищ полковник! Иннокентий Павлович! Мы так и не поняли, как у нашего сына получилось сбежать из колонии строгого режима и в одиночку... — отец осуждённого Егорова потёр ладонями лицо и уставился на Хозяина.

— К счастью, значительно не пострадал инспектор отдела охраны... Вот что... А это главное. — невпопад, но очень значительно ответил Шатунов.

— Это что же... теперь по всей Москве будут расклеены фотографии нашего сына? — к глазам Елены Александровны подступили слёзы.

— И по всей Рязани тоже. Не сомневайся! — буркнул муж.

— Уважаемые товарищи! — проникновенно начал Шатунов. — Поймите такую вещь! Чем скорее Артём одумается и вернётся в колонию, тем меньше будет его наказание! Мы со своей стороны уже провели внутреннюю проверку. Заверяю вас, что никакого давления на Артёма внутри лагеря не оказывали. Он был на хорошем счету и работал помощником заведующего библиотекой.

— Да-да, он писал как-то про то, что ему нравится работа с книгами... — мать Егорова снова смахнула набежавшую слезу.

— Вот! — обрадовался начальник УР 77/7. — Я лично изучил его дело. У него за хорошее поведение и стремление к исправлению было много дополнительных свиданий. К нему приезжала некая Марина Грачёва. Вы такую знаете?

— Впервые слышу! — мотнул головой отец. — Она из Рязани?

— Нет, она из Орла. — уточнил Шатунов.

— Так может, он к ней лыжи намазал? — охнул Анатолий Егоров.

— Не исключено! С местными коллегами мы, конечно же, уже работаем... — важно кивнул головой полковник.

— Какой позор... Какой позор... Сначала сел в тюрьму за грабёж, потом ещё и сбежал... Господи, за что ты так мою седую голову наказываешь? — начала причитать Елена.

— Уважаемые товарищи! У меня, к сожалению, катастрофически мало свободного времени. Вот-вот начнётся совещание с личным составом... — Шатунов поднялся из-за стола. — Я хочу вас просто по-человечески попросить. Если Артём даст о себе знать, то используйте родительский авторитет! Уговорите его сдать ся нам! Мы пока не будем заявлять в федеральный розыск. В управлении, поверьте, тоже не слишком заинтересованы в разглашении такого ЧП. А это по нашим меркам, ЧП!... — продолжал он.

— Иннокентий Павлович! Вы такой человечный! Позвольте я пожму вашу руку! — Анатолий Егоров протянул руку Хозяину зоны. — Мы с женой бесконечно вам благодарны за то, что и здесь вы хорошо присматривали за нашим шалопаем, и ещё такой шанс ему даёте... Мы очень благодарны!

— Спасибо вам за заботу! Храни вас бог! — Елена перекрестила Шатунова.

— Пошли, Лена, не отвлекай товарища полковника!

Родители Артёма Егорова вышли из кабинета.

Останки осуждённого Егорова ещё два дня назад доели свиньи на местной ферме. О чём начальнику лагеря Шатунову доложил его заместитель по безопасности и оперативной работе. Отдавать мертвеца с пробитой головой, переломанными конечностями и гематомами по всему телу родителям, объясняя это «естественной смертью», было нельзя. Никакой Марины Грачёвой из Орла тоже не было. Эту женщину придумал сам Шатунов за пять минут до того, как в

его кабинет вошли родители покойного Егорова. *«Спасибо вам за заботу...»* — эхом звучали в ушах Шатунова слова Елены Александровны.

— Твою маааать... как же стыдно-то... — полковник закрыл лицо ладонями и поставил локти на стол.

В кабинет начальника оперативно-розыскной части УР 77/7 Владимира Климушкина постучали. На пороге возник Сеня Чёрный — вышкарь пункта наблюдения № 3.

— Товарищ капитан, вызывали? — спросил он.

— Сеня, заходи! Присаживайся! — Климушкин довольно махнул рукой. — На вот тебе грев небольшой. — начальник оперов вынул из ящика стола блок «Мальборо».

— Благодарочка, гражданин начальник! — улыбнулся Сеня и положил руку на блок.

— Ну рассказывай, Сеня. Какие новости за неделю? — Климушкин отхлебнул горячего чёрного чая из большой кружки, разукрашенной аляпистыми цветочками. — Что видно с вышки? Что в штабе за зоной делается интересного?

Чёрный немного помялся.

— Из интересного... Пожалуй только то, что в спецотделе какая-то пьянка была в пятницу... Но они особо не светились. Погуляли немного да разъехались. Романову, как всегда, вынесли на руках и в такси уложили...

— А кто из начальства был? — уточнил Климушкин.

— Брагин и Князев.

— А они долго там в спецотделе сидели? С кем домой уехали?

— Ну, если вы имеете в виду... — Сеня понизил голос до шёпота, — товарища майора Князева... То он с Гушиной не пошёл после... Он... — Сеня воровато оглянулся назад на дверь.

— Что он? — наострил уши опер, почуяв что-то важное.

— Он обжимался на балконе с новенькой сотрудницей... Такая девка молодая, с длинными чёрными волосами... Я не успел её фамилию запомнить, извините... — Чёрный виновато развёл руками.

— Маргарита? — подсказал Климушкин.

— Да! Точно! Она! — закивал вышкарь.

— И что же они? Прямо таки обжимались, никого не стеснясь?

— Нет. Она сначала вышла одна на балкон. Закурила. Я увидел её как раз... А потом, глядь, Максим Петрович выходит туда же. И они немного поговорили, а потом я глазом не успел моргнуть, они целуются и он её... того... — вышкарь заёрзал.

— Чего того? Того прямо на балконе? — вытаращил глаза опер.

— Нет... Облапал, короче... Под юбку залез... А она и довольная была... Потом резко ушла с балкона. А товарищ майор немного постоял ещё один и тоже ушёл. — покраснел Сеня.

— Вот оно как... — хмыкнул Климушкин. — Спасибо, Сеня. Вот тебе премия небольшая за такие новости.

Начальник оперчасти снова полез в ящик и выудил из него большую пачку чёрного чая.

— Благодарю, Владимир Алексеевич! От всего сердца! — Сеня приложил пятерню, на которой было набито солнце, садящееся за море, к груди.

— Иди, Сеня. Работай хорошо! — благословил его опер.

Глава 9

Первого сентября в Москве очень похолодало. Августовская жара, которая испытывала горожан на прочность, испарилась в один момент. Проснувшись в понедельник, в первый день осени, Рита зябко поёжилась в своей кровати.

— Что показывают нам за окном? — пробормотала она, откидывая одеяло. — Показывают дождик и сильный ветер... — ответила она сама себе и задумчиво оперлась руками на подоконник спальни.

Пора было собираться на службу. Рита уверенно распахнула платяной шкаф и выудила из него утеплённый плащ.

— Неделю назад изнывала от жары в сарафане... — пробормотала она.

Ближе к одиннадцати утра на столе Марго зазвонил служебный телефон.

— Травникова! — гаркнула она в трубку.

— Что ты так орёшь, Травникова? — тихо рассмеялся на том конце провода майор Князев. — Сейчас отвечай мне только да или нет.

— Да.

— Можно было бы и не продолжать, но я уточню. У тебя обед через час? — также тихо спросил Максим Петрович.

— Да. — подтвердила Рита спокойным голосом.

— Хочешь со мной пообедать вместе у меня в кабинете, в зоне?

— Да.

— Я без десяти двенадцать пришло за тобой сопровождение. Собирайся тогда.

— Да.

— Вот и умница! — Князев положил трубку.

Маргарита ухмыльнулась. Ну что же... Значит, всё случится сегодня. Бросила взгляд на часы. У неё есть ещё целый час. Пока надо поработать. Она машинально оглянулась назад, к столу Надежды Семёновны. Но той сегодня на работе не было, она взяла отгул. Рита полезла в ящик своего стола и поворошила свёрток с вещами, который она взяла с собой сегодня из дома. Свёрток должен был дожидаться своего часа. Он наступил прямо сейчас. Рита ехидно улыбнулась сама себе и захлопнула ящик.

Аркан сидел возле стола начальника санчасти Дроздова. Поигрывая чётками, он смотрел, как Борис Ильич заполняет его медкарту.

— Ещё какие у вас жалобы? — спросил Дроздов, не поднимая головы от карточки.

— Тревожность высокая, товарищ главный лепила. — тихо ответил Аркан.

— С чем-то связываете? Какие-то события? Потрясения? Нервничали из-за чего-то в последнее время?

— Да. Кореш один ласты завернул. Такой нехорошей смертью помер. Да и не попрощались с ним по-человечески. Вот и тревожно. Как бы не участились такие случаи... — поделился своими переживаниями осуждённый.

Дроздов отложил свою писанину и внимательно посмотрел на зека.

— Осуждённый Холодов, я сочувствую вашему горю. Но если у вас всё, то я заканчиваю приём. Выдам вам сейчас витамины и успокоительное. У меня за вами далее очередь из пациентов.

— Конечно выдайте, товарищ главный лепила. Уж очень тревога меня съедает. Съедает, как свинья комбикорм... Безжалостно. Без останков... — ледяным тоном добавил Аркан.

Борис Ильич подошёл к шкафу, в котором хранились медикаменты, и достал из него две упаковки лекарств. Молча передал их Холодову и, засунув руки в карманы белого халата, устоял на осуждённого.

— Всего наилучшего вам, Борис Ильич! — тихо сказал Холодов, сгребая лекарства пятернёй и пряча их в нагрудный карман.

— И вам, Холодов. — ответил Дроздов.

Осуждённый вышел. Борис Ильич с силой пнул пластиковую корзину, в которую складывал сухой мусор и смятые бумажки. Корзина с шумом ударилась в стену. В кабинет заглянул напуганный дневальный санчасти Вася.

— Борис Ильич! Вы в порядке? — спросил он, с удивлением разглядывая разбросанный по кабинету сор.

— Уберите здесь. И пока приём на перерыв. Мне надо отлучиться на обед.

Дроздов сорвал с рук резиновые перчатки, бросил их в кучу с мусором. Снял халат, повесил его на плечики и накинул куртку с капюшоном.

Без десяти двенадцать в спецотдел вошёл Андрей Токарев. Рита была в кабинете одна. Все остальные ушли обедать в столовую. Марго была уже в плаще и держала в руках зонт.

— Маргарита Николаевна! Как же я рад вас снова видеть! — распахнул свои объятия капитан.

— Добрый день, Андрей Викторович! — Травникова слегка присела в реверансе и рассмеялась. — Вы что ли меня поведёте под конвоем?

— Я! Меня Князев отловил в зонавском штабе и велел сопровождать. Прошу ручку! Рассказывайте, как ваши успехи на службе и сколько раз в день подумываете про увольнение?

Токарев и Рита неспешно пошли по коридору штаба на выход.

— Борис Ильич, я вас понял... — Князев разговаривал по мобильному телефону, стоя возле окна в своём кабинете. — Мы с вами непременно обсудим ситуацию сегодня. Часика в два нормально будет? Вы же всё равно пока на обеде... Я вас понял... Вы не переживайте так.

Максим Петрович обернулся на шум. В кабинет вошла Рита. Она по-хозяйски заперла дверь на щеколду и не спеша направилась к Князеву, на ходу развязывая пояс плаща, грациозно переступая на высоких каблуках. Когда до начальника оставалось два шага, она резким движением скинула с себя плащ и осталась перед Князевым лишь в одних чёрных кружевных чулках и в чёрных же атласных перчатках выше локтя.

— Ого! — прошелестел Максим Петрович пересохшими губами.

Марго толкнула его в сторону дивана. Тот не сопротивлялся. Девушка залезла на него сверху и взяла его лицо в свои ладони. Последнее, что относительно хорошо запомнил Князев, как он провёл руками по голым бёдрам новой сотрудницы отдела специального учёта и её руки на ремне своих брюк.

Надежда Гущина вышла за ворота Колоцкого монастыря и, обернувшись, перекрестилась напоследок. Сегодня она впервые за последние полгода увидела своего бывшего мужа.

Отец Александр ушёл служить богу пять лет назад. Практически сразу после того, как погиб их единственный с Надеждой сын Павлик. Его сбил прямо возле дома в Кунцево пьяный водитель, когда Павлик возвращался домой из института. Умер мгновенно. Его смерть видели из окна родители, которые поджидали сына дома с горячим ужином.

— Я тебе тут еды домашней привезла... — Надежда Семёновна достала из пакета большой пластиковый контейнер. — Не побрезгуешь мирской пищей-то? — она толкнула бывшего мужа локтем в бок.

Отец Александр хмыкнул в густую длинную бороду и принял контейнер с едой.

— Спасибо, Надя. Всегда любил твои котлетки... Сегодня вечером и братьев угощу. Похвалюсь, что ты не забываешь меня!

— Похвались, похвались... — кивнула Гущина. — Что-то редко звать стал. Неужто весь в делах настолько?

— В делах, Наденька, в делах. Приход большой. Много людей просят помочь. Когда сюда приходят, а когда и сам выезжаю по всей области. И деньги собираем, и кормим, и моем, и лечим, и от пьянства спасаем... Что ты, милая моя... Себя забываешь в такой суете. И собственное горе не кажется уж таким огромным, если насмотришься на других... — отец Александр смиренно кивнул.

— Пять лет, Санюшка, как один вздох... Как один вздох... — Надежда смахнула сползающую из-под очков на щеку слезу. — Мама моя тебе передавала привет большой. Печалится, что больше наверное уж зятя любимого и не увидит. Лежит она ведь уже два месяца. Сиделку ей наняла. Не хочет категорически переезжать ко мне. — мотнула Гущина головой.

— Всем так спокойнее, Наденька. Не обижайся на неё! — Александр ласково обнял бывшую жену и прижал к себе. — Ну что же... давай прощаемся. Так я был рад тебя увидеть, моя хорошая...

— И я, Сашенька... И я... — Гущина обняла отца Александра.

Встретиться с Дроздовым в два часа дня, как они договаривались ранее, у Князева не получилось. В четверть второго, когда Рита уже сидела на своём рабочем месте в строгом брючном костюме и старательно подшивала дела, Максима Петровича вызвал к себе Шатунов. Начальник затребовал последний квартальный отчёт по службе БОР, аналитические справки, планы работ и отчёты по оперативным разработкам. С собой за компанию Князев прихватил и Климушкина. Тот примчался через минуту, держа в руках увесистую стопку папок.

— Ты как будто ждал на пороге... — буркнул Князев, завидев Володю. — Пошли скорее к Палычу, он не в духе явно.

— Так сегодня же первое сентября. Я всё заранее подготовил! — оправдался начальник оперчасти за свою слишком быструю, как оказалось, реакцию.

Пока Шатунов заслушивал подробный отчёт Климушкина, Максим Петрович пытался прийти в себя после свидания с Маргаритой. Она его шокировала своим поведением. Просто сразила наповал! Подобный опыт у Князева был впервые. Молодая девка, младше на целых тридцать лет, просто изнасиловала его на собственном же диване в разгар рабочего дня. Максим Петрович довольно закатил глаза и заулыбался, на него нахлынула волна воспоминаний. Он машинально понюхал рукав своей рубашки, которую Ритка даже не позволила ему снять. Так и есть — от рубашки пахнет сладким, тяжёлым запахом её духов. Что это за духи, интересно? Явно стойкие...

— Товарищ майор! Вы с нами? — зло окликнул Князева Шатунов. — По плану на последний квартал есть у вас замечания или предложения? Вот товарищ капитан Климушкин нам сейчас доложил...

Князев сквозь силу разорвал тягучую пелену воспоминаний о только что случившемся невероятном сексе с молодой красавицей и включился в работу, как того потребовал начальник лагеря.

После совещания у Шатунова, которое закончилось в три часа, Князев набрал Бориса Ильича. Тот не брал трубку. Ближе к пяти Дроздов перезвонил сам и сказал, что сегодня встретиться просто необходимо.

— Слушай, приезжай ко мне домой вечером! В Митино. Дома спокойно поговорим и поужинаем заодно. Сейчас я жене позвоню, она приготовит что-нибудь нам мясного и пожирнее. — уверенно сказал Князев.

В восемь вечера два майора сидели в просторной кухне квартиры Максима Петровича. Жена его, Антонина Васильевна, сутилась возле плиты. Достала из духовки противень со свиными рёбрышками. Разложила по тарелкам картофельное пюре, поставила блюдо со свежими овощами, соусники, хлебницу. Выдала накрахмаленные белоснежные салфетки и хрустальные рюмки. В завершении достала из морозилки запотевшую бутылку водки и торжественно водрузила её на стол, за которым сидели её муж и гость.

— Всё, я вам не мешаю! Приятного аппетита! — Антонина Васильевна тенью выскользнула из кухни и плотно прикрыла за собой дверь.

Проводив жену взглядом, Максим Петрович взял в руки бутылку водки и плеснул по пятьдесят себе и Дроздову.

— Давай! — он поднял рюмку.

— Давай!

Закусив огурцом первую стопку, Князев разлил ещё по одной и наконец спросил Бориса Ильича:

— Что стряслось?

— Аркан в курсе того, что Артём Егоров не сбежал, а... ушёл работать на свинокомплекс...

— Это плохо, Боря. — буркнул Максим Петрович и махнул снова стопку.

— Плохо? И это всё, что ты можешь мне сказать сейчас? — взорвался Дроздов. — И всё?

Князев резко стукнул кулаком по столу. Зазвенела посуда.

— А ну успокойся! Я просто уже давно научился пропускать стадию охуевания от ЧП. Это экономит много ресурсов. Сразу делаю вывод о масштабе произошедшего. И вам не рекомендую истерить, Борис Ильич, как целка в пресс-хате...

Дроздов побагровел, но промолчал.

— Что хочет Аркан, как сам считаешь? — спросил у начальника санчасти Князев, после того как выслушал его подробный рассказ.

— Долю, ясен красен...

— А почему Холодов уверен в себе и в том, что он не станет следующим... работником свинокомплекса? Больно борзый...

— Не знаю... Может, есть что предложить? Что делать-то, Петрович? Позвать его на переговоры? — растерянно спросил Дроздов.

— Не вздумай! Он сам придёт и всё расскажет, что хочет. — погрозил пальцем БОР.

— Хозяин в курсе про Егорова? — спросил Борис Ильич, отодвигая от себя нетронутую тарелку. Аппетита у него не было совершенно.

— В курсе. Побег. Он уже родственникам объявил... Они из Рязани приезжали...

— Кошмар какой-то... — вздохнул Дроздов и потянулся за бутылкой водки.

У Князева пискнул телефон. Входящее сообщение от Климушкина: «Добрый вечер, Максим Петрович. Следующее мероприятие через две недели. Всё в силе?»

Майор помрачнел и отложил телефон. Потом через секунду снова открыл сообщение и показал его на экране начальнику санчасти. Тот покраснел.

— Мне так не нравится то, что и Климушкин в курсе этого. — сказал он.

— Никому не нравится. Но он начальник оперчасти. Он не мог бы не узнать об этом. Пока он мой подчинённый, ситуация под контролем. — ответил Князев.

Антонина Васильевна стояла в ванной и разбирала грязное бельё, которое муж за последние дни накидал в большой таз. Выудив форменную зелёную рубашку, в которой он ходил сегодня на работу, она неожиданно остановилась и принялась к воздуху, как спаниель, почувший уток. Она поднесла рубашку к своему носу и почувствовала явно новый запах. От

рубашки несло тяжёлыми, сладкими женскими духами. Такими Антонина никогда не пользовалась, называя их слишком вульгарными.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.